

ОГОВОРКА

Время на время не приходит: так точно и свист на свист не приходится. Вот теперь, например, говорят, майская погода, а кто ее отличит от декабрьской? Известно, что в декабре всегда в Петербурге Нева проходит, лед идет по ней, сверху каплет что-то подходящее больше к дождю, чем к снегу, франты и девицы скачут на тройках за город, по улицам чиновники в полной парадной форме разъезжают с визитами на яликах. И теперь то же самое: Нева прошла и лед по ней до сих пор временами крадется, пылкие натуры точно так же стремятся за город и перевозят свою подвижность на верных конях, ничуть не уступающих в худобе знаменитым зимним тройкам, сверху льется такой холодный дождь, что так и думаешь: он наверное либо был, либо будет снегом... А ежели чиновники на яликах не катаются, так зато они по грязи шлендают — то же самое и выходит... Так вот подите же, скажите, что теперь декабрь: никто ведь не поверит. «Как же, скажут, а счет-то, а календарь-то»? Рутину, — скажу я вам, милостивые государи, — одна рутину, и больше ничего! По нашему — пригрело солнышко в декабре, получил награду к празднику, знаменитого литератора увидел, прекрасной жены лишился — вот и май, — и отправляйся себе в Екатерингоф! А как ежели и в мае — да проберет тебя Чернышевский вдвоем с Костомаровым¹, или придется тебе почитать «Весенние звуки» да «Весенние ночи» в русских журналах² или как в Москву попадешь, да там при тебе о г-же Свечиной заспорят³, так тут такой тебе май покажется, что декабря запросишь: по крайности тот уж последний месяц; с новым-то годом, авось мол, и получше что будет... Но все эти здравые убеждения, хотя всякому понятные и весьма наглядно изложенные, ни на кого не подействуют, мы в этом уверены. Затвердили

себе, что май есть май, да и кончено: по закону тождества, говорят, так выходит. А какое тут тождество? У людей май бывает светел и радостен; а у нас что? Только и есть радости, что иной раз статейку о «Накануне» получишь. Ну, пока ее читаешь, и весело, и забавно; а потом опять темно на душе дня на три, пока не принесут в каком-нибудь журнале или газете еще статейку о «Накануне»⁴. Тоска, да и только. А все маем зовется...

Так-то вот и «Свисток»: не всегда он в себе тождество имеет. Вы не думайте, что уж коли свищет человек, так ему и весело. Конечно, мы благодетельные юноши и более по кротости душевной свистим, подобно птенцам

115

неопытным; но иной раз не только благодетельный юноша, а даже деликатная девица вдруг от чего-нибудь в ужас придет, так ведь как — не то что засвищет, а просто завизжит! А то возьмите хоть на пароходе свисток: так хватит, что уши зажмешь, да и то не знаешь, куда деваться. По-настоящему, это уж и не свист, а вой какой-то; а всё свистом называют. Что станешь делать? Скажешь только с поэтом: «что имя? звук пустой»⁵, да с тем и останешься.

«Свистком» назвался, так свищи. Хорошо; но только уж извините нас, если мы свист теперь пустим немножко особенный. Мы в беспокойном состоянии теперь находимся: получили реприманд неожиданный⁶. Вообразите: 58 ученых и литераторов, обиженных последним нашим свистком (кто-то высчитал, что там обижено 58 персон, а уж мы как, кажется, старались, чтобы вести дело безобидно!), самоотверженно решались взаимно произвести друг друга в Чацкина и Горвица,

т. е. обнародовать против нас «Учено–литературный протест», говорят с эпитафией: «иль мало нас?»⁷ И вдруг — о горе! — нашелся кто–то 59, тоже обиженный, но только не в «Свистке», а в «Современнике», — и *разговорил* сонм пятидесяти осьми! Протест разлетелся, как дым, как утренний туман!⁸ Поверьте, о читатели, что отъезд Хлестакова не так сильно поразило девственное сердце Марьи Антоновны Сквозник–Дмухановской, как поразила нас безвременная кончина протеста, последовавшая при самом его зачатии!..

Другое обстоятельство, которое нас тревожит, это всеобщие раздоры, возвещающие обыкновенно конец мира и наступление осени (последнее — для журналистов)⁹. Оглянитесь только вокруг себя на политическое и литературное положение Европы, и вы согласитесь, что мы правы, что есть отчего в отчаянье придти¹⁰. Считайте только: папа почти отлучил Виктора Эммануэля¹¹; г. доктор медицины Росновский в ответ г. Ханкину на рецензию «Категорической классификации болезней» сочинил целую книгу под заглавием: «О девизах в медицине и медицинских туттифруттиках»¹²; г. Селиванов вышел из московского общества любителей словесности, о чем г. Хомяков узнал с удовольствием¹³; генерал Бенедек не хотел обедать вместе с Эйноттенем; Брук дошел до того, что руки на себя наложил¹⁴; «Русский вестник» сделал выговор г. Утину¹⁵; г. Козлов вздумал уродовать Байрона¹⁶, Антонелли выпускать романьольских бродяг¹⁷, содержащихся в римских тюрьмах, Н. Ф. Павлов с целым сонмищем Дараганов, Власьевых, русских женщин — преследовать г. Тургенева¹⁸, испанцы пошли на Марокко¹⁹, г–жа Тур на г–жу Свечину, редакция «Русского вестника» — на г–жу Тур... Нам кажется даже, что «Атеней» пошел бы на редакцию «Русского

вестника», если бы был жив... «Ужасный век! Ужасные сердца!»²⁰ А еще говорят, что весна, а еще г. Крестовский с кем-то проливает слезы над весенней страницей Фета!²¹ Нет, это время больше на осень похоже по горечи своих плодов! Или, может быть, это еще только цветочки, а ягодки будут после? Неужели будут? Неужели и из цветов изящного красноречия Н. Ф. Павлова будут ягоды? Неужели и из норманских цветов г. Погодина произойдут плоды? Неужели вырастет что-нибудь и из цветочных стишков гг. Крестовского, Княжецкого, Кроля²² и всех им подобных, которых нынче развелось так много, что и не перечесть, и из которых иные известны

116

читателям «Современника?»... Нет, нет, читатели, будем питать себя сладкою надеждою, что это все пустоцвет.

Но не всегда и пустоцвет бывает приятным и вожделенным явлением: нам, например, добродушным и доверчивым юношам, очень не хотелось, чтобы оказались пустоцветом три предмета, особенно живо занимавшие нас: 1) величие г. Кокорева, сравненного с Юстинианом в известной книге русского Гизота Николая де Жеребцова²³; 2) Волжско-донская железная дорога, на которую говорил речи наш друг и союзник — академик Погодин, которой акции имел неосторожность взять один из наших близких знакомых; 3) благодетельная российская гласность, все обещающая исправить и исцелить под рукою, втихомолку и понемножку... И вдруг, представь наши иллюзии по каждому из трех означенных предметов разрушены в недавнее время! Да ведь как разрушены-то! Верить бы не хотелось тому, что

самим же разбирать пришлось. Мы уже раз двадцать принимались восклицать стихи Пушкина:

Тьмы низких истин мне дороже
Нас возвышающий обман!²⁴

Думали — не легче ли будет... Нет, ничто не берет.

Попробовали мы свистнуть, но и свист вышел какой-то странный, дикий и печальный... Да иначе и нельзя: во-первых, погода майская*, во-вторых, всеобщие распри и волнения, и наконец, в-третьих, посмотрите сами, что делается на свете, хотя и под толстым покровом благодетельной гласности.

* Едва была написана эта статейка, как погода сделалась невыносимо жаркою: новое доказательство благотворной силы гласности, которая немедленно исправляет все, до чего коснется.